

ЛЕТНИЕ ЛЮДИ Какой мудрости учит горожанина воронежская деревня

Кодекс тихого Дона

Наталья Михальченко

Мой летний проект — рассказать о кодексе деревенской жизни, который, несмотря на новые времена и нравы, хранит моя тетушка и ее соседи в дальнем воронежском селе. Лето... Время и повод «перетряхнуть» себя, перезагрузить. Место... Тоже важно... В деревню! К тетушке!

День первый.
На закате тетушка выкатывает велосипеды.
— Поехали, покажу чего...
Мы стоим на обрыве, под нами — метров сорок. Внизу — долина Дона. Солнце уже в домашнем халате, вот-вот дверь своей спальни откроет. Сердце ухает, душа трепещет...
— Когда хорошая весенняя вода, — рассказывает тетушка, — всю долину заливают, у того леса только макушки торчат. — Есть фотографии, — предупреждает она заранее, видя, как взлетают мои брови в порыве большого сомнения.
Вот он, Тихий Дон...

День второй.
— Здравствуй! — ворота раскрылись и впустили целую компанию веселых людей с чутунками и кастрильками. — Мы к вашему столу со свеженькой. И с жерехом! С жерехом! Объятия, поцелуй, знакомство. К тетушке приехала родня. Три поколения разных ветвей. Каждый рад другому. Костяк родни сохранился в этом селе. Два тетушкиных брата и сестра живут здесь. Здесь родительский дом, который остался за ней и куда она приезжает каждое лето. Сюда подтягивается и молодежь, далеко не разлетевшаяся от родного гнезда. ...Разошлись далеко за полночь, договариваясь о новой встрече, вспоминая знаменательные даты родни. Вот только не поехали... Не осталось времени.

День третий.
— Здесь был рубеж во время войны. Фашисты с высоты напирали на Дон, наши снизу оборонялись. Полегло сколько — тетушка знает, что для меня это важно. — Но на этот берег фашисты не перешли, нашу деревню не заняли... Нашелся солдат, который закрыл собой амбразуру фашистского дота. Раньше Матросова этот подвиг совершил. Девятнадцатилетний мальчишка из Киргизии, Чолпонбай Тулебердиев. Знал, что идет на смерть... Его могила — на вершине Лысой горы. Видишь памятник? Чолпонбая очень чтут в наших краях...

День четвертый.
Соседка из дома напротив принесла моей тетушке уже ошощанную тушку курицы: «Уощай гостей. Да и вишни приходится врать».
Спрашиваю у тетушки: «Ты заказывала?» «Нет, — отвечает, — это просто, по-соседски».

Просто... по-соседски... Это другая цивилизация.

День пятый.
Идем платить за коммуналку. У здания администрации — краеведческий сквер и сквер Почета с фотографиями именитых сельчан. Поодаль — сквер Памяти с мартирологом и Вечным огнем. Помню, я совсем маленькой была, лет пяти-шести, увидела в сельском клубе на стенде, посвященном участникам Великой Отечественной войны, фотографию своего деду. Дед молодой... в буденовке... На меня это произвело неизгладимое впечатление! Был дед как папа, а стал героем!

Так вот, скверики. А в сквериках — цветы. Слошным ковром. Меж них аккуратно ходит мужчина с тяткой. Пропальвает. И ничего бы удивительного, если бы я не знала, что это глава администрации. Хороший способ отвлечься от бумаг, привести мысли в порядок.

День шестой.
Нас позвала на пельмени тетушкина старшая сестра. Мы листаем семейные альбомы, где на каждое событие из жизни семьи, родни — фото. Фото из детства. Родители, тети, дяди, двоюродные-троюродные братья-сестры... Школа. Техникум. Первая взрослая, в 16 лет, фотография, сделанная в фотоателье.

Свадьбы — своя, сестры, братьев, племянников, внуков... Проводы в армию... Рождение детей... Сеносок... Юбилей... Поздравки «с работой»... Целая жизнь. По таким альбомам даже неопытный сценарист к сериалу великодушный сценарист напишет. Сейчас все в цифре — в компьютерах, телефонах... Такая зыбкая система хранения семейной памяти...

День восьмой.
— Я договорилась о рыбалке! На Дону! Поедем? — тетушка радостно восклицает в полной уверенности, что организовала замечательное мероприятие

АКЦЕНТ

Меж цветов аккуратно ходит мужчина с тяткой. Пропальвает. И ничего бы удивительного, если бы я не знала, что это глава местной администрации

После обеда — экскурсия по хозяйству. Бройлеры настороженно следят за нашими передвижениями, помнят, как пропал один из них «на гостиницу» племяннику... Несушки, эта элита птичьего двора, недовольно косятся, побеспокоенные. На них заканчивается домашняя живность. «Это раньше мы и свиней, и бычков держали, а сейчас только огородам занимаемся!» Только! На этом огороде есть всё, что можно вырастить в Черноземье!

День седьмой.
Вдруг захотелось сделать перестановку в доме. Полдня тащить мебель, ворочаем коврики... Оглядевшись, довольно улыбаемся. Нравится. ...Тетушка на самом деле имеет активный художественный вкус. К чему приотрется — всё преобразуется. И дом родительский она весь обновила-отремонтировала. Многие в доме заменила. Но вот одну дверь менять не стала. Оставила как есть, только покрасила. Отнова память. Дверь «простегана» вожжами, пугачиками пришилленными. Я никогда не видела родителей тетушки. Но вот как возьмусь за

для гостей. И начинает перечислять, что в Дону можно поймают, и карася, и плотву, и окуня, и щуку... Этих запечь, этих поджарить, этих на таранку, из этих знатная уха получится... Я делаю виноватое лицо, напоминаю историю из моего детства, когда поймала свою первую рыбку и расплакалась, увидев, как она висит на крючке. Пропала бы я в деревне: ни курицы ошощать, ни рыбу почистить, ни домашнюю колбасу сделать.

День девятый.
День Казанской иконы Божьей Матери — праздник из детства, престольный праздник в бабушкиной деревне. Ранним утром бабушка уезжала в церковь. А когда возвращалась, собирала небудничный стол. Обязательным раздувала самовар (ростом с меня!) к вечернему чаепитию. Мы с двоюродным братом караулили «на задах»: оттуда хорошо просматривалась дорога через пшеничное поле. Встречали родных. Идут веселой толпой колхозной. У дяди Миши неизменно на плече — гармонь. Закончится ужин, разговоры и начнутся песни и танцы. Эх, сейчас бы вошла в их

круг, да уж почти никого не осталось из старшего поколения. И гармонь та разошлась... Вспомнили мы всех сегодня с тетушкой. Сходили в церковь, отстояли службу, написали записочки о здравии и об упокоении. Никого не забыли...

День десятый.
— Мы как будем стирать: по-городскому или по-деревенски? По-деревенски — это так: стиральная машина первого уровня весело молотит белье в своих недрах, с озорством взбивая стиральный порошок в пену. Таймер пристально следит, не давая ей разыграться. Щелк! Пена опадает. Ты следом с удовольствием запускаешь руки в дрожжащее месиво, выуживаешь вещь за вещью, отжимаешь, бросаешь в таз и несешь его в двух «цепах» — на полоскание в другой вад. Этот процесс самый увлекательный. Туда-сюда, туда-сюда... Футболки и платки задорно мотылятся из стороны в сторону. Ааааа! Взлетают над ванной, погружаются в нее и вновь — туда-сюда, туда-сюда... Полный таз белья несешь развешивать на веревках. Первая прогнулась под тяжестью белья. И тут же взмыла ввысь, подхваченная рогатиной. Белье радостно захолопало на ветру.

Мы с тетушкой плюхаемся на качели, она достает по пакету семечек... Уходит со двора не имеет смысла — скоро высушенное белье надо снимать...
День одиннадцатый.
Солим огурцы. Подмурлыкиваем песням из приемника.
— Ты петь умеешь? — спрашиваю тетушку.
— Не умею, — признается она.
— Я тоже. Давай споем.
— Давай!
«На тот большаак, на переkreоостоооок/Уже не надо больше мне спешинить...»

День двенадцатый.
Дикая абрикос в воронежской глубинке зовут ласково «жерделька»... На компот хоро-

шо идет, неприхотливые варенье варят. Мы с тетушкой сварили девять литров. Ее старшая сестра попробовала, приятно удивилась: «Хорошая жерделька. Без прожилок. Где набрали?» Интересный вопрос. По деревне идешь, всюду хозяева предлагают: «Приходите, набирайте!» Но! Тетушка благодарит, зная наперед, что не воспользуется добрым предложением. И объясняет: «Когда ближние соседи предлагают, это хорошо. По-соседски. Дальше нельзя... скажут, по деревне пошла...» Деревенский кодекс, однако...

День тринадцатый.
Мои каникулы закончились, хотя несколько дней еще есть. За мной едут дети. И для тетушки они стали главными. Нет, из-за пазухи она меня не вынула, но конкретно подвинула.
— Пиши мне на каждый день. Как дети приедут, блинчики с мясом. Наутро — блинчики с яблоком, кашку, омлетик... А на обед — уху, картошечку с колбаской, сосиски в тесте наверху... Не забыть из погребца арбуз с дыней выкатить...
— Дорогие наши, приехали, — шепчет она и крестится, едва свет фар вдалеке рассекает темноту. — Спасибо тебе, Господи...»

День четырнадцатый.
Тетушка радостно восклицает: «Я договорилась о рыбалке! На Дону! Поедем?»

Тетушка радостно восклицает: «Я договорилась о рыбалке! На Дону! Поедем?»

Солим огурцы и поем: «На тот большаак, на переkreоостоооок. / Уже не надо больше мне спешинить...»

ВКЛ

Андрей Максимов,
писатель,
телеведущий

В ЗЕРКАЛЕ ТАРАНТИНО

Уже много лет я читаю лекции по психологии общения, стараюсь научить людей получать информацию от своих собеседников и вообще от окружающего мира. Одно из главных правил: если вы хотите узнать что-то новое, — идите за получением информации без предубеждения. Куда как часто, увы, вместо того, чтобы узнать то, что нам неизвестно, мы занимаемся подтверждением того, что знаем и так. Мы закрываемся от мира собственными знаниями, а иногда — домыслами, а потом только и ждем, чтобы мир эти наши домыслы и догадки подтвердил.

Такая заданность очень затрудняет общение. Но еще больше, пожалуй, она мешает восприятию произведений искусства. Смотри кино или спектакль, слушаешь музыку или читаешь книгу, мы боимся быть наивными, нам хочется выглядеть знатоками и специалистами. Не потому ли ребенок всегда получает от произведения искусства большее удовольствие, и, главное, оно сильнее действует на него, чем на умудренного опытом критика?

И вот мы идем на фильм Квентина Тарантино «Однажды в... Голливуде». Кажется, из нас режиссер либо нравится, либо нет, и это уже само по себе определяет наше отношение к его новой работе. В фильме играют звезды, к которым у нас тоже есть свое отношение. Кроме того, мы, разумеется, уже поначитались рецензий, в которых было написано, что Тарантино снял свою новую работу по следам подлинных событий, но события эти переделал, переписал по-своему.

И вот уже между нами, зрителями, и экраном воздвигается стена предварительных знаний, сквозь которую даже голливудские звезды пробиваются с трудом. Я не торопился со своей оценкой фильма, про который, кажется, сейчас говорят все. Мне как раз было интересно, что говорят. В конце концов, Тарантино далеко, и какое ему дело до моих оценок, а вот те, кто говорит, — они рядом.

Больше всего, конечно, твердят об истории, которая лежит в основе фильма. Еще о том, как режиссер воссоздал картины прошлого и сколько раритетных старых машин колесит в кадре. Об игре звезд, которую препарируют с любовью патологоанатома...

Школа приучила нас препарировать художественные произведения, забывая при этом, что в основе любого хорошего фильма, спектакля или книги лежит тайна. Создатель отличается от нас, зрителя, тем, что он знает законы создания тайны, а мы, как бы ни старались, их никогда до конца не умеем.

Для меня Тарантино в этой картине — волшебник. В «Однажды в... Голливуде» я увидел как бы несколько миров, передо мной — не один, а несколько фильмов. И режиссер каждый раз погружает меня в разные истории, в другой язык, иной темп, и я радостно погружаюсь. «Ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад!», — эти великие пушкинские строки они ведь о восприятии любого подлинного произведения искусства. Не знаю, как кто, а я иду в кино — опять вспоминаю Пушкина — за возвращающим меня обманом, а не за тьмой низких истин. Магия кино с трудом поддается анализу, потому она и магия. Тайна. Непонятность.

Великий Питер Брук заметил, что режиссер — это тот, кто создает атмосферу. Очень точное и многозначное высказывание: это и атмосфера на репетиции (на съёмочной площадке), и атмосфера, которая возникает, скажем так, в конечном продукте. Тарантино — мастер создания атмосферы. Она, конечно, кого-то увлечет, кого-то оставит равнодушным, а кого-то просто будет раздражать. Атмосфера — это вообще штука индивидуальная, главное, чтобы она была.

В центре фильма две голливудские звезды — Леонардо Ди Каприо и Брэд Питт. Хочу заметить, что они стали звездами не по благу, а потому, что замечательные актеры. Они умеют создавать понятных, но при этом противоречивых и глубоких людей. Сцены, когда Ди Каприо показывает своего героя — актера, который играет плохо, а потом — хорошо, — на мой вкус, эталон актерской игры. Опять же, как он это делает — непонятно. Да и не надо препарировать — надо наслаждаться.

Можно, конечно, написать, что Брэд Питт скучнее в средствах актерского выражения, но это будет умничанье, не объясняющее ровню ничего. Главное: он превращается в другого человека, которому и в которого веришь абсолютно.

Для меня самым поразительным было то, как два выдающихся актера создают подлинную мужскую дружбу. Не ту, которую я с некоторой долей недовольства наблюдал в фильмах Озона или Альмодовара, а ту, которая уходит корнями в «Трех мушкетеров» и которую не вдруг в современном кино увидишь.

Если бы мне задали излюбленный вопрос критиков: «Про что все-таки снял свой фильм Тарантино?», я бы ответил так. Он снял фильм про два мира фантазии — тот, в котором живут герои Ди Каприо и Питта, и тот, в котором живут хиппи — убийцы. Это два мира как бы настоящих, живущих по своим отдельным законам. Первый мир кино — красивый, абсурдный, прекрасный, борющийся с реальной жизнью и побеждающий ее. Второй — мерзкий, грязный. Первый — создающий. Второй — разрушающий. И первый побеждает. Причем по своим законам. Убийцы, плавающие в бассейне, убивают из огнемата! Это же надо такое придумать...

«Однажды в... Голливуде» — фильм со множеством граней, и потому каждый в нем находит свое. Или не находит. Я убежден, что в США, где хорошо знают историю, которая легла в основу картины, и у нас не просто видят фильм по-разному, а видят разные фильмы. Кто вообще не находит в картине ничего, кроме скуки. Я нашел в ней чудо кинематографа, в которое хочется погружаться и пробовать как можно дольше. ●

Я понимаю, что неожиданно-негаданно нашла портал в детство, провалившись к тетушке за пазуху...